

Mrázek, Roman

Синтаксические отношения и члены предложения

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná.
1961, vol. 10, iss. A9, pp. [47]-60

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100590>

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1. В русском языке, подобно как и в других славянских языках, существуют такие структурные типы предложений, которые, несмотря на свою обычность и частоту, доставляют синтаксистам большие затруднения. Если взять, например, такие русские предложения, как: *Сегодня среда, Его здесь нет, Сколько вас?, У него был грипп, Мне надо поговорить с ним, Что нам делать?*, и предъявить их нескольким славистам-синтаксистам к анализу по общему составу и членам, то результаты получились бы, вероятно, далеко не единые. Притом очевидно, что как раз в этих типах зачастую наиболее ярко отражается типологическая специфика синтаксического строя того или иного славянского языка. Следовательно, синтаксическая теория обязана дать убедительный их анализ (который стал бы общепризнанным достоянием) и обязана сосредоточить прежде всего на них свое внимание, будь то в грамматике одного отдельно взятого языка или в сравнительной славянской грамматике. В предлагаемой статье нам хотелось бы высказать некоторые замечания не только по поводу таких конструкций, но, главным образом, по поводу общих разрядов синтаксических отношений, грамматического способа их выражения и членов предложения.

2. Не подлежит сомнению, что при всем своем многообразии синтаксические отношения могут быть подведены под несколько общих, основных классов (разрядов, категорий). В высшей инстанции часто различают пять таких основных разрядов: предикацию, детерминацию, координацию, аппозицию и парентезу. Однако парентеза — это, собственно, нулевое отношение, так как характерным для нее является именно отсутствие синтаксического отношения, а аппозиция, в свою очередь, представляет в сущности не что иное, как особую разновидность детерминации. Таким образом, в качестве бесспорно автономных, отличных друг от друга категорий синтаксических отношений выделяются предикация, детерминация и координация.

Если мы, с одной стороны, склонны сузить количество общих категорий синтаксических отношений, исключив парентезу и аппозицию, то, с другой стороны, считаем, что на том же высшем уровне существует еще одна автономная категория отношений, а именно предикативная детерминация. С ней мы имеем дело в случае предикативного атрибута (лучше: предикативного детерминанта, чеш. *predikativní určení* или „*doplněk*“), напр. *Его считают способным, Отец лежит больной*. Этот член предложения действительно содержит в себе как некоторые признаки предик-

кативные, так и детерминативные, он частью предикцирует, частью же детерминирует.¹ Тем самым обусловлена и его одновременная реляция к двум господствующим членам; более подробно см. § 12.

Общий признак, объединяющий предикацию, детерминацию и предикативную детерминацию, в противоположность координации, заключается в наличии в них грамматического подчинения; координация же характеризуется грамматическим сочинением. Таким образом получается первая оппозиция: отношения подчинения (предикация, детерминация, предикативная детерминация) \longleftrightarrow отношение сочинения (координация). Вторая оппозиция, уже внутри самого подчинения, представляется в таком виде: предикация противопоставлена одновременно и детерминации, и предикативной детерминации (= непредикации), ибо она всегда коммуникативна, создавая предложение; предикативная синтагма является в предложении основой грамматической организации и содержания данной коммуникации. Предикативным отношением взаимосвязаны оба главных члена, подлежащее как господствующий член, и сказуемое как подчиненный (зависимый) член. Здесь не будем останавливаться на том, что и в односоставных предложениях можно говорить о предикации в более широком смысле и что в таком случае под ней понимаем коммуникативное соотношение главного члена, предиката, непосредственно только к определенному отрезку познаваемой действительности.²

3. В дальнейшем оставим в стороне координацию и будем уделять внимание отношениям подчинения, или же синтаксической зависимости.

Одним из важных факторов, обуславливающих качество отношения между компонентами синтагмы в пределах подчинения, является формальный облик зависимого члена. Он имеет силу прежде всего при более подробной классификации детерминативных отношений. Под ним надо понимать то, каким общим формальным способом зависимый (подчиненный) член обнаруживает свою синтаксическую зависимость от господствующего члена. Вопрос об общих формальных способах выражения синтаксической зависимости до сих пор в теории окончательно не разрешен. На наш взгляд дело идет о следующей основной оппозиции: формальная обусловленность (*tvarová žádanost, danost*) как форма признаковая имеет своим противопоставлением отсутствие формальной обусловленности (или формальную „свободу“, *tvarová volnost*) как форму беспризнаковую. Формальная обусловленность имеет два основных варианта: согласование и управление. Объединение обоих вариантов под одного общего знаменателя необходимо, между прочим, потому, что оба варианта иногда могут сочетаться или что между ними может происходить осцилляция; об этом см. § 12 и § 13.

Если до сих пор обычно различают три равноправных плоскости способов, какими выражается синтаксическая зависимость от господствующего члена (от господствующих членов), именно согласование, управление и т. н. „примыкание“, то это неточная классификация. „Примыкание“ равносильно отсутствию формальной обусловленности. Думается, что отсутствие формальной обусловленности нельзя признавать позитивным формальным приемом для выражения синтаксической зависимости.

4. Теперь приступим к более подробной классификации синтаксических отношений в пределах грамматического подчинения. Эта классификация

касается, собственно говоря, установления основных видов отношений детерминативных. Они, вместе с отношением предикативно-детерминативным, должны находить свое отражение в соответственных категориях второстепенных членов предложения. (В категориях членов предложения вообще должны отражаться и закрепляться в своем обобщении все факторы, релевантные для качества синтаксических отношений.) Современная русская синтаксическая наука различает следующие второстепенные члены: дополнение, определение (с приложением) и обстоятельство. В чешских грамматиках, кроме того, в качестве самостоятельного второстепенного члена выделяется — на наш взгляд, вполне справедливо — сказуемое определение („doplněk“, предикативный детерминант). В пределах детерминации дополнение выражает объектные отношения, определение — атрибутивные отношения, обстоятельство — обстоятельственные отношения, в пределах же предикативной детерминации предикативный детерминант выражает предикативно-детерминативные отношения; характеристика всех этих отношений приводится ниже, § 7 и сл.

Встает, однако, вопрос о том, все ли реально имеющиеся, напр. в русском языке, специфические общие разряды синтаксических отношений охвачены в указанных категориях второстепенных членов? Нам кажется, что нет. Нужно выделить (из широкой области дополнения, а частью также обстоятельства) в качестве особого члена один „новый“ член, который мог бы обозначаться, скажем, термином субъектное дополнение (subjektové uřčeni, podmětové uřčeni). В нем находят свое отражение отношения косвенного субъекта к действию или состоянию, т. е. отношения субъектно детерминирующие.

Может, конечно, появиться возражение, что дальнейшее расширение количества членов предложения — дело нецелесообразное и даже вредное, так как современная синтаксическая теория здесь направлена, скорее, на упрощение понятий и терминов, стараясь обойтись минимальным количеством второстепенных членов. Подобная установка имеет свое глубокое оправдание: в высших инстанциях действительно вполне хорошо можно оперировать, допустим, двумя-тремя общими категориями членов (чешский языковед Ф. Копечный³ предлагает различать лишь два члена — uřčeni i doplnění), и этими общими категориями можно, в целях простоты и понятности, ограничиваться при педагогической деятельности в школах начальных и средних. Однако в низших синтаксических инстанциях, при более углубленном подходе к делу, необходимо внутри этих общих предполагаемых категорий различать более детально и разработать соответственно с этим подходящую терминологическую систему.

5. Какими чертами можно охарактеризовать субъектное дополнение (subjektové, podmětové uřčeni) как член предложения? Эти черты следующие: 1. Он обозначает субъект действия или состояния, т. е. субъектно детерминирующее отношение к какому-либо действию или состоянию; поэтому ему часто соответствует позиция подлежащего в близких по содержанию конструкциях. 2. Он не допускает квалифицироваться ни как обстоятельство, потому что не выражает обстоятельственных отношений, ни как объект (дополнение, или же точнее: объектное дополнение), потому что не выражает объектных отношений. 3. С формальной точки зрения он находится более или менее четко в пределах формальной обусловленности; эта обусловленность иногда вызывается не только одним господствующим членом, а скорее характером данной конструкции в целом (конструктивная

обусловленность). 4. В нем может происходить нейтрализация качества отношений (объектно-субъектных, субъектно-обстоятельственных) и направления этих отношений. Субъектным дополнением мы признаем, в общем, прежде всего дательный падеж в инфинитивных односоставных предложениях (*Позвонить мне ему?, Тебе ехать*), в безличных предложениях (*Мне неловко, Тебе нельзя молчать, Мне не спится*), далее родительный в некоторых односоставных отрицательных (*Его здесь нет*) и количественных конструкциях (*Нас три, Их было пятеро*) и, наконец, творительный в безличном активном типе *Ветром относит голос* и в двусоставном пассивном типе *Письмо написано мною*.

Дело в том, что теория до сих пор не сумела окончательно разрешить таких случаев, в которых субъект действия-состояния, выражаемый в иных предложениях нормально именительным падежом в функции грамматического подлежащего, становится „косвенным субъектом“, т. е. получает форму косвенного падежа и, следовательно, функцию зависимого, второстепенного члена. Оттуда вытекает существующий в научной литературе разнобой по поводу его функционально-членской значимости. Более подробно см. в § 10.

Чешский языковед Я. Попела,⁴ созная несостоятельность такого положения дел и отмечая встречающиеся разногласия, задумывается над этой проблемой и приходит к выводу, что дательный падеж субъекта в инфинитивных предложениях — подобно как и некоторые иные косвенные падежи в названных выше и подобных примерах — можно рассматривать просто как грамматическое подлежащее. Такой вывод заслуживает серьезного внимания, однако мы считаем его слишком радикальным. Ведь тогда-то нужно было бы квалифицировать все соответствующие предложения как двусоставные (т. е. имеющие подлежащее и сказуемое), что, пожалуй, вряд ли было бы приемлемым и правомерным. Мысли Я. Попелы ценны тем, что выдвигают назревшую необходимость разрешения данного вопроса, прежде всего применительно к русскому языку, где тип предложения с именительным падежом в роли подлежащего в значительной степени лишился своего подопольного положения и где широко представлены другие структурные типы предложений. Еще задолго до появления его статьи, в связи с изучением синтаксиса творительного падежа (и падежей вообще), мы самостоятельно пришли к заключению, что в определенных случаях косвенный падеж имени имеет синтаксическую функцию не то обстоятельства, не то дополнения (= объекта, объектного дополнения), не то подлежащего, и что мы в силу этого просто вынуждены усматривать здесь особый член предложения — субъектное дополнение (субъектный детерминант, *podmětové určení*, эвент. *činitelské určení*, *určení činitele děje nebo nositele stavu*). Статья Я. Попелы послужила лишь поддержкой нашей точки зрения.

6. Итак, автономными второстепенными членами предложения мы признаем дополнение (или же, ради точности, объектное дополнение, объект, *předmět*), определение (атрибут, *přívlastek*) и приложение (апозицию, *přístavek*), обстоятельство (адвербиале, *příslowěčné určení*, лучше: *okolnostní určení*), предикативное определение (предикативный детерминант, *predikativní // přísudkové // výrokové určení*) и субъектное дополнение (*subjektové // podmětové určení*). Каждый из этих членов выражает соответствующие, отличные от других, синтаксические отношения и обладает, вместе с тем, также определенными формальными признаками.

7. Теперь постараемся дать более подробную характеристику отдельных разрядов этих отношений (и соответственных членов)⁴ и указать их взаимосвязи и возможные синкретизмы.

Изойдем из отношений обстоятельственных. Под понятием „об-

стоятельства“ можно, несмотря на всю его зыбкость, в общем понимать сопутствующие явления и характеристики, связанные с действиями, качествами и другими обстоятельствами. Устанавливая обстоятельственные отношения, говорящий отдает себе отчет о различных связях пространственных, временных, социативных, количественных, ограничительных, причинных, условных и т. д. Собственным, „примарным“ выразительным средством являются тут наречия. Падежи синтаксических существительных (а также именные глагольные формы), употребленные для выражения обстоятельственных отношений, стоят весьма близко к наречиям; падежи в функции обстоятельства можно даже считать синтаксическими наречиями в широком смысле слова. Соответственно данной разновидности отношения они наделены тем или другим обстоятельственным значением, пространственным, временным и т. д. Поэтому в предложении они примарно выполняют функцию обстоятельства (*okolnostního/přísllovečného utčení*). При их выборе и постановке решающую роль играет не лексико-грамматическая природа господствующего члена, а определенное конкретное, самостоятельное значение, которое имеется в виду говорящим. Наличие определенного конкретного адвербиального значения и создает важную специфику падежа, фигурирующего при выражении обстоятельственного отношения. В неразрывной связи с этим стоит формальный признак: падежи в адвербиальном употреблении не лежат в области формальной обусловленности, они не требуются самой лексико-грамматической сущностью своего господствующего члена и не представляют, следовательно, единственно необходимое формальное средство для выражения своей зависимости от него. С формальной точки зрения они, собственно, сигнализируют вид отношения к господствующему члену отрицательно, своей беспризнаковостью, отсутствием согласования или управления — короче говоря: отсутствием формальной обусловленности.⁵ Вот почему в современной теории говорят, преимущественно в связи с обстоятельственной функцией, об адвербиальных, или семантических падежах, о семантических функциях падежей, об автономных значениях падежей, эвентуально — с некоторым упрощением — о несинтаксических падежах.

В положении при глаголе (при составе сказуемого), при прилагательном или при наречии член предложения, в котором отражаются обстоятельственные отношения, выполняет свою собственную функцию, функцию обстоятельства. Происходят, однако, случаи функциональной транспозиции: отношение принципиально обстоятельственное может транспонироваться в отношение атрибутивное (т. е. в признак, качество субстанции, напр. *возвратиться из Праги* → *возвращение из Праги*) или в отношение предикативное, вернее: псевдопредикативное (т. е. в предцируемый субъекту признак, напр. *разлучились без печали* → *разлука была без печали*). Таким образом возникает какое-то своеобразное наслаение отношений, их слияние, соетание (как еще увидим, это бывает и при других разрядах отношений).⁷ В первом случае допустимо говорить об отношении обстоятельственно-атрибутивном, во втором случае об отношении обстоятельственно-предикативном, другими словами мы имеем здесь дело с обстоятельственным определением и с обстоятельственным сказуемым (последнее выполняет предикативную функцию вместе со связкой, см. § 13).

8. Объектные отношения имеют во внеязыковой действительности

своей основой непосредственное затрагивание (přímou zasaženost) чего-либо со стороны действия или другого признака; исходящее от производителя действие или бессубъектное действие, эвент, другой признак, подвергают объекту своему воздействию. В плоскости языкового выражения для члена, отражающего объектное отношение к своему господствующему члену, постоянной чертой является управление, падеж соответственного имени управляется, чаще всего глаголом (напр. *бояться неприятностей*), реже прилагательным (*доволен успехом*) или предикативным наречием (*жаль времени*). По самой своей лексико-грамматической сущности господствующий член нуждается в пополнении, в раскрытии своего содержания именно определенным, а не другим, падежом, в одиночных случаях одним из двух параллельных падежей (*вспомнить о ком-чем || кого-что, швырнуть камнем || камень*). Особую разновидность объектного отношения имеем в управляемом инфинитиве (*надеюсь встретить, привык быть скромным*). Ввиду того, что объектные отношения являются гораздо более абстрактными, более „синтаксичными“, нежели обстоятельственные отношения, и исторически восходят к последним, то падежи, выражающие эти отношения, более или менее лишены конкретного (самостоятельного, специфического) значения, сохраняя лишь свое общее падежное значение, свою общую падежную значимость. Подобную утрату конкретного значения наблюдаем и во всех таких других случаях, когда падеж употребляется в порядке формальной обусловленности.

Синтаксические существительные в управляемом падеже, сигнализирующем объектные отношения, выполняют примарную функцию дополнения (объектного дополнения, předmětu). Функциональная транспозиция возможна, в таком случае речь идет, как правило, об объектно-атрибутивных отношениях, напр. *строительство плотины, подарок отцу, занятия музыкой*. (Изредка отглагольное существительное имеет другое управление, чем соотносительный глагол, ср. *интересоваться музыкой → интерес к музыке*). Секундарное отнесение в предикативную (псевдопредикативную) позицию встречается в виде исключения, напр. *разговаривать о тренировке → разговор о тренировке → Наш разговор был о тренировке*.

9. Субъектно-детерминирующие отношения (или же отношения косвенно-субъектные) имеют некоторые общие черты с отношениями объектными, но в то же время отличаются от них. С объектными отношениями они разделяют формальную обусловленность, в варианте управления, т. е. регулярную незаменимость данной падежной формы другой формой. С этим связан чисто синтаксический характер падежа, выражающего субъектно-детерминирующие (и объектные) отношения — соответственный падеж лишен конкретной, адвербиальной семантики и стоит только на службе синтаксического отнесения зависимого члена к господствующему члену. Отличие субъектно-детерминирующих отношений заключается в том, что в них речь идет об отношении косвенного субъекта к действию или состоянию, а не объекта к действию. Как уже намечалось выше, мы имеем с ними дело тогда, когда субъект действия (состояния), большей частью лицо, в предложении не выражен именительным падежом, т. е. грамматическим подлежащим, а попадает в зависимое положение, напр. *Тебе бы позвонить ему, Мне жаль его, Дедушки не стало, Долину затакнуло жглой, План выполняется всеми заводами.*⁸ Сходные и отличные моменты

субъектно-детерминирующих (косвенно-субъектных) и объектных отношений дают нам право класть обе категории этих отношений в одну более высокую общую плоскость — они находятся в определенном параллелизме (ср. предлагаемые нами термины: субъектное дополнение × объектное дополнение, чеш. *podměťové určení × předmět*).

Выше (§ 5) уже говорилось о некоторых других характерных чертах субъектного дополнения, в частности о возможной нейтрализации данного отношения с другим отношением и о нейтрализации направления отношения, а также о частой формальной обусловленности падежной формы целой конструкцией. Здесь же коснемся этих явлений подробнее.

10. Субъектным дополнением бесспорно нужно считать, прежде всего, родительный падеж в таких отрицательных односоставных конструкциях, где альтернирующий именительный падеж семантически и конструктивно исключен. В русском языке это бывает чаще, чем в чешском; напр. *Нет времени, Отца нет дома, Его не стало (= zemřel), Тебя здесь так не хватало*. В случаях типа *Тебя здесь так не хватало* происходит нейтрализация косвенно-субъектных и объектных отношений и, вместе с тем, частичная нейтрализация их направления. Думается, что этот синтаксический факт можно было бы терминологически закрепить в обозначении: субъектно-объектное дополнение (*podměťově-předmětové určení*). Там, где данная конструкция допускает незначительное видоизменение и субституцию родительного именительным, род. пад. можно было бы признать подлежащим, ибо ему соответствует здесь позиция номинативного подлежащего; ср. *Затруднений не было || Затруднения не были; Ответа не пришло || Ответ не пришел; Деформаций не обнаружено || Деформации не обнаружены; Не слышалось ни звука || Не слышался никакой звук; Воды прибавилось || Вода прибавилась*. В подобных дублетных предложениях обнаруживается различие в общем значении обеих падежей — родительному свойственно общее значение „объемности“, партитивности. Следует, однако, подчеркнуть, что русский родительный отрицательный гораздо менее семантичен, нежели чешский; это значит, что значение партитивности в нем ощущается менее отчетливо, он в значительной степени синтаксизировался. Нейтрализация двух синтаксических отношений и их направления наблюдается нередко, напр. в типах *Воды прибавилось, Не слышалось ни звука, Деформаций не обнаружено*. В род. пад. *воды, звука, деформаций* как будто сливается воедино синтаксическая значимость субъекта и объекта действия. С учетом этой нейтрализации и с учетом большой степени синтаксизации русского родительного отрицательного нельзя было бы принципиально исключить и такую интерпретацию, согласно которой вообще все предложения с родительным на месте именительного (в функции подлежащего) и со средней формой сказуемого глагола оценивались бы как односоставные (хотя и по содержанию весьма близкие к двусоставным или даже тождественные с ними), а сам родительный квалифицировался бы либо как субъектное дополнение (напр. *Затруднений не было, Ответа не пришло, Его здесь нет*), либо как субъектно-объектное дополнение (где налицо нейтрализация субъектно-детерминирующих и объектных отношений, напр. *Воды убавилось, Деформаций не обнаружено*).

С субъектным дополнением в русском языке мы, бесспорно, имеем дело еще в других односоставных предложениях с родительным, сообщающих

количественные давные, в частности в типе *Нас двое, Методов три, Билетов у меня четыре, Их пятеро*. В отличие от чешского (ср. *Mu jsmе dva × Je nás pět*) здесь никогда нет альтернативы с именительным в функции подлежащего, что говорит в пользу предлагаемого нами решения.

Богатую область появления субъектного дополнения составляют в русском языке односоставные предложения инфинитивные и безличные с дательным падежом субъекта, напр. *Вам ехать, Мне не спится, Ему придется идти пешком, Сестре холодно, Ему нельзя так говорить, Мне пора уйти*. Разница между этим членом и объектным дополнением наглядно обнаруживается в предложениях с двумя дательными, напр. *Мне дать тебе книгу*.

Что касается винительного падежа в безличных предложениях, как-то *Меня трясет, Его перевернуло*, то в нем приходится усматривать, по всей видимости, скорее грамматический объект действия, а не его субъект (т. е. не субъектное дополнение), несмотря на то что „логически“, или „психологически“ он весьма близок к субъекту.

Подобным образом, с категорией субъектного дополнения сближается синтаксическая значимость русского выражения „у меня“ в случаях типа *У меня грипп, У него есть эта книга, У меня болит голова, У него весело на душе, У него глаза режет*. Однако с учетом формы, сигнализирующей конкретное значение принадлежности, иногда с оттенком места, или же прямо местное значение, вряд ли правомерно было бы отнести этот родительный с предлогом *у* к субъектному дополнению. Выражение типа „у меня“ в подобных конструкциях выполняет примарную функцию обстоятельства, весьма близкого по значению к субъектному дополнению; ср. еще § 13.

Особой, качественно отличной разновидностью субъектного дополнения является творительный производитель действия в активных безличных предложениях типа *Его убило гранатой*, а также творительный в страдательных конструкциях, напр. *Стадион украшается пионерами*. В современном русском языке при выборе безличной перспективы высказывания (*его убило...*) или страдательной перспективы (*стадион украшается...*) наименование того, что производит, осуществляет действие, может стоять только в твор. падеже; этот падеж носит здесь чисто синтаксический, а не семантический характер, и потому нельзя его оценивать как обстоятельство. С явлением нейтрализации отношений встречаемся довольно часто при пассиве (напр. *Я был удивлен его ответом* — дополнение субъектно-обстоятельственное, *učení podmětově-příslovečně*, простирает значение орудино-причинное; *Поверхность покрывалась ржавчиной* — дополнение субъектно-объектное, *učení podmětově-předmětově*, стирается грань между смыслом „ржавчина покрыла поверхность“ и „поверхность набрала на себя ржавчину“).

Установление точного объема категории субъектного дополнения и субъектно-детерминирующих отношений нуждается в дальнейшем исследовании.

Транспозиция этих отношений появляется при секундарном атрибутивном отнесении. В таком случае речь идет о субъектно-детерминирующем атрибутивном отношении (*atributivní vztah subjektivě ušćijící*). Это секундарное отнесение касается, вероятно, только творительного действующего лица, напр. *исполнение романса певицей*; существительное „певицей“ имеет функцию определения (атрибута) субъектно-детерминирующего (*přívlastek podmětově ušćijící*).

11. В атрибутивных отношениях какая-либо субстанция определяется пассивным признаком, свойством (качеством). Это — отношение между любым синтаксическим существительным и его определением (атрибутом). В атрибутивных синтагмах, по-нашему, необходимо различать не только т. н. согласованное и несогласованное определение, а прежде всего собственное определение от несобственного определения; последнее возникает в результате атрибутивной транспозиции другого отношения, как уже частью это отмечалось.

Наиболее обычным средством выражения собственного определения бывает синтаксическое прилагательное (напр. *высокое дерево, мой отец, чай покрепче*). Оно по возможности согласуется со своим определяемым членом. (Особая его разновидность — это субстантивное определение, согласуемое или стоящее в назывном именительном, т. е. приложении.) Вторую область собственного определения принципиально составляет субстантивное определение в беспредложном родительном падеже. Родительный (беспредложный) приименной в русском языке служит наиболее частым средством для выражения разнообразнейших прямых, непосредственных отношений одной субстанции к другой; ср. *чтение книги, смерть поэта, точность работы, кружка пива, ножка стола, группа студентов, рабочие завода, голос Павла, мальчик пяти лет, состояние покоя*. Здесь нет места более подробно доказывать, что в таких случаях он является чисто синтаксическим и, как правило, незаменимым падежом, так что мы вправе говорить об именном управлении. Фактическая конкретная семантика родительного падежа здесь всюду давно сублимировалась, и общее „значение“ субъектное, объектное, притяжательное, партитивное, относительное, ограничительное и т. д. вытекает лишь из лексического содержания обоих существительных.⁹

Итак, собственное определение выражается частью падежом по возможности согласованным, частью же управляемым беспредложным родительным падежом, т. е. оно с формальной точки зрения целиком относится к области формальной обусловленности.

Несобственное определение возникает путем атрибутивной транспозиции примарно другого отношения (т. е. путем транспозиции выражения, выполняющего примарно иную функцию, в атрибутивную позицию). Оно выражается наречием, косвенным падежом существительного кроме беспредложного родительного, а также инфинитивом.¹⁰ Нужно, однако, заметить, что в сочетаниях типа *чтение книги*, соотносительных с сочетаниями переходного глагола + винительного падежа (*читать книгу*), где отражаются объектные отношения, происходит совпадение собственного определения с несобственным определением; противоположность между обоими видами этого члена предложения тут отменена, одно и то же синтаксическое явление допускает одновременно двоякую, равноправную интерпретацию. В зависимости от характера примарного отношения, легшего в основу данного атрибутивного отношения, можно различать: отношения обстоятельство-атрибутивные (и обстоятельство-собственное определение, напр. *дорога лесом, дверь направо, отъезд в Москву*), объектно-атрибутивные (и объектное определение, напр. *увлечение спортом, наблюдение за порядком, воспоминание о родителях, чтение книги* — в последнем случае налицо отождествление несобственного и собственного определения),

субъектно-детерминирующие атрибутивные отношения (*исполнение певицей этого романса*) и предикативно-детерминативные атрибутивные отношения (*работа механиком* — см. ниже § 12). Специфическую проблематику имеет, как и в функциях других членов, несобственное определение, выраженное инфинитивом. В нем отражаются или примарные отношения объектные (*надежда встретить*), или обстоятельственные (*мастер шутки рассказывать*).

Даже тогда, если бы мы не приняли предлагаемую дихотомию атрибута собственного и несобственного, то нам пришлось бы решительно отказаться от традиционной, весьма поверхностной и бессодержательной классификации этой категории на согласованное и несогласованное определение. Несравненно точнее было бы различать следующие основные типы: определение формально обусловленное (= согласованное и управляемое) и формально необусловленное (= „примыкающее“, обстоятельственное).

12. В основе предикативно-детерминативных отношений лежит познание той объективной действительности, что какой-либо субстанции принадлежит в связи с действием или состоянием какой-либо другой, пассивный признак. Поэтому этот признак отнесен к его носителю не непосредственно, а посредством сказуемого, обозначающего данное действие или состояние. Таким образом происходит особенное взаимосочетание атрибутивных и предикативных отношений. Член предложения, отнесенный в порядке предикативной детерминации, находится в двусторонней синтаксической зависимости, с одной стороны от существительного, с другой стороны от глагола или иного предикативного выражения. Это предикативный детерминант (предикативное определение, *predikativní určení*). Он объединяет в себе черты именного сказуемого и определения. С формальной точки зрения он лежит в области формальной обусловленности. Формальная обусловленность реализуется большей частью в виде согласования, иногда также одновременно в виде падежного управления. В ряде случаев существует свободная альтернатива согласуемого падежа с творительным, при обязательном согласовании в других категориях (напр. *он пришел первый // первым*). Подобную альтернативу согласуемого и несогласуемого падежей мы признаем двойкой параллельной реализацией формальной обусловленности, а не отсутствием ее. Зачастую же твор. падеж бывает единственно употребительным выразительным средством, или имеет, по крайней мере, явный перевес — следовательно, он приобретает характер управляемого падежа, напр. *Волчата родятся слепыми, Его назначили секретарем, Почему я вижу тебя таким озабоченным?* Здесь просто налицо возможное сочетание согласования и управления (ср. еще чеш. *Považuji ho za způsobilého* × *Považuji ji za způsobilou*) или осцилляция между ними.

При весьма редком секундарном атрибутивном отнесении, в зависимость от отглагольного существительного, допустимо говорить о предикативно-детерминативном отношении атрибутивном, и в соответствии с этим о предикативно-детерминативном определении атрибутивном, и в соответствии с этим о предикативно-детерминативном определении (*přívlastek predikativně určující*), напр. *работа механиком, назначение т. Петрова директором*, чеш. *úspěšný učitel docentem*. (Однако в одиночных случаях типа *сохранение хода часов неизменным* прилагательное „неизменным“ соблюдает значимость предикативного детерминанта.)

13. Предикативные отношения возникают так, что какой-либо субстанции или непосредственно какому-либо отрезку действительности присуждается определенный признак, активный или пассивный. Особого внимания заслуживает именное сказуемое двусоставных предложений. Подобно как и определение, оно может принципиально разделяться на собственное и несобственное.

Собственное именное сказуемое стоит, прежде всего, в именительном или в творительном падежах. В современном русском языке предикативный творительный при выраженной связке (фактической связкой мы признаем только глаголы *быть, бывать, являться*) весьма распространен. Если налицо чередование именительного и творительного (*Наша жизнь будет радостная // радостной, Он был знаменитый дирижер // знаменитым дирижером*), то мы имеем дело с двойкой реализацией формальной обусловленности в категории падежа, а если твор. пад. преобладает или является даже обязательным (последний случай налицо при связке *являться*), то он получает характер управляемого со стороны связки падежа. Это означает, что предикативный творительный, так же как и предикативно-детерминативный творительный (= в положении помимо связки), есть падеж неадвербиальный, синтаксический. Нельзя сказать, что в современном русском языке ему принадлежит та или другая конкретная, адвербиальная семантика (явления смежные, переходящие в сферу примарно обстоятельственных отношений, не опровергают этого), и, во-вторых, он представляет либо один из двух требуемых падежей, либо единственный требуемый падеж. Другое дело, что при альтернативности именительного // творительного на первый план выступает (как и при всякой альтернативности двух синтаксических падежей) различие общих значений обоих падежей.

Помимо того, к собственному именному сказуемому можно отнести очень немногочисленные случаи генитивного сказуемого, типа *Мальчик был лет шести, Я другого мнения*. Правомерность такого решения видим в том, что и в атрибутивной позиции можно подобный родительный квалифицировать как собственное определение (*мальчик лет шести, люди другого мнения*), так что при известной соотносительности атрибутивных и номинально-предикативных отношений (ср. *прилежный ученик* → *Ученик прилежен*) нельзя здесь родительный оценивать иначе.

Несобственное именное сказуемое возникает путем присуждения субъекту примарно обстоятельственного отношения (*Разлука была без печали, Мы против войны, Деревья были словно из золота, Он дома*), в весьма одиночных случаях также объектного отношения (*Наш разговор был о тренировке*). Собственно говоря, мы имеем здесь дело с псевдопредикативной позицией косвенных падежей или наречий. В обстоятельном сказуемом падеж имени (или наречие) выражает определенное конкретное значение, является сам по себе адвербиальным, несинтаксическим. Следует, впрочем, заметить, что глагол *быть* (даже невыраженный) при таких обстоятельственных сказуемых более или менее теряет свой связочный характер и становится знаменательным глаголом, так что по мере этого в адвербиальном падеже „восстанавливается“ его примарная значимость, а именно обстоятельства. Грамматическую, связочную функцию он сохраняет, главным образом, тогда, когда адвербиальный падеж (наречие) обозначает фактическое ингерентное качество подлежащего, и потому мог

бы заместиться прилагательным (напр. *Разлука была без печали > не была печальной; Деревья были словно из золота × словно золотые*). Сказуемым, однако, лучше всего признавать во всех подобных случаях сочетание глагола *быть* + обстоятельственного выражения, а если глагол в русском языке в предложениях со значением настоящего времени не выражен, тогда эту предикативную функцию выполняет нулевой глагол + обстоятельственное выражение, напр. *Он дома, Секретарь сейчас у директора*.

Соответственно этому, а также тому, что было сказано в § 10, анализ грамматического состава весьма частого русского структурного типа с оборотом „у меня“ можно было бы дать в следующем виде:

У меня грипп = двусоставное предложение; подлежащее — „грипп“, сказуемое — нулевой глагол + обстоятельственное выражение „у меня“ (близкое к субъектному дополнению).

У меня нет (не было) денег = односоставное предложение; сказуемое — „нет (не было)“ + „у меня“ (последнее с сильно протупающей примарной функцией, так как наибольшая доля предиктируемого признака содержится в выражении „нет“, „не было“), субъектное дополнение — „денег“. В предложениях типа *Нет денег* сказуемостную функцию выполняет только выражение „нет“, а род. пад. „денег“ будет опять-таки субъектным дополнением.

У меня есть время = двусоставное предложение; сказуемое — „есть“ + „у меня“ (с той же оговоркой, что и в предшествующем типе).

14. Из всего вышесказанного вытекают некоторые выводы.

Наиболее общие категории синтаксического подчинения в пределах словосочетания или простого предложения — это предикация ↔ непредикация (т. е. детерминация и предикативная детерминация). Синтаксическая зависимость члена к господствующему члену (к господствующим членам) формально отражается либо в формальной обусловленности (т. е. в согласовании или в управлении, с возможным слиянием того и другого или со взаимной осцилляцией); либо в отсутствии таковой. Категории членов предложения нужно определять с учетом всех общих факторов, релевантных для качества синтаксического отношения. Главными членами предложения являются подлежащее и сказуемое, второстепенными членами — объектное дополнение (или просто дополнение, по традиции), определение (и приложение), обстоятельство, предикативное определение (или предикативный детерминант) и субъектное дополнение. С фактом грамматического управления в русском языке мы имеем дело не только всегда при объектном дополнении (напр. *Читаю книгу*), но также всегда при субъектном дополнении (напр. *Нам нельзя молчать, Куда мне идти?, Его убило пулей* — это может быть конструктивное управление), иногда еще при предикативном определении и именном сказуемом (напр. *Нашли его мертвым, Его считают специалистом, Он является великим писателем*) и при собственном определении, в частности — выраженном беспредложным родительным падежом (напр. *смерть поэта, чтение книги, сад отца*). Синтаксические отношения могут носить осложненный характер — происходит функциональная транспозиция или функциональная нейтрализация. Транспозиция имеет место, прежде всего, при отношениях атрибутивных и номинально-предикативных. Целесообразно закрепить такие явления в соответствующей терминологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подробное обоснование автономности предикативного детерминанта см. Р. Мразек, *Probléma skazuемого и его классификации*, Sborník prací filosofické fakulty Brno, серия А (языкознание), № 6, 1958, стр. 16 и сл.

² Ср. наблюдения В. В. Виноградова во введении к *Грамматике русского языка* АН СССР, II/1, 1954, стр. 76 и сл.

³ Ф. Копечный, *Základy české skladby*, 1958, стр. 308.

⁴ Я. Попела, *K syntaktické podstatě tzv. dativu subjektu v současné ruštině*, Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury III, 1959, стр. 41—69.

⁵ В этом отношении мы не можем разделять мнение К. Гаузенбласа, который считает „примыкание“ позитивным формальным приемом для выражения синтаксической зависимости; см. его (К. Hausenblas) статью *Syntaktická závislost, způsoby a prostředky jejího vyjadřování*, Bulletin Vysoké školy ruského jazyka a literatury II, Praha 1958, стр. 23—51.

⁶ В *Грамматике русского языка* АН СССР, II/1, обширный раздел о словосочетании построен на описании синтаксических отношений, имеющих между словами непредикативных словосочетаний (с учетом формальной стороны господствующего и зависимого слов). Здесь зарегистрировано множество типов синтаксических отношений, однако установление их общих категорий не совпадает с нашей концепцией.

⁷ В. В. Виноградов отмечает факт, что „словосочетания, вступая в строй предложения, подвергаются здесь преобразованиям“ (*Грамматика русского языка* АН СССР II/1, стр. 88) и приводит, между прочим, пример: *Этот человек — с умом; Человек с умом не пропадет*.

⁸ К проблематике субъекта и его выражения или невыражения грамматическим подлежащим, помимо статьи Я. Попелы, ср. в последнее время напр. К. Л. Эбелинг, *Subject and Predicate, Especially in Russian*, 's-Gravenhage 1958, и Збигнев Голомб (Gołąb), *Problem podmiotu*, ВРТJ XVII, стр. 19—66 (с установкой на общее языкознание).

⁹ Факт, что родительный падеж выступает в качестве основного, беспризнакового падежа в выражении отношения „thing-to-thing“ и что его семантика в этой функции обусловлена лишь лексической стороной соответственных слов, отмечается А. В. де Хротом (A. W. de Groot), *Les oppositions dans les systèmes de la syntaxe et des cas*, Mélanges Bally, Genève 1939, стр. 125—127, и *Classification of Cases and Uses of Cases*, For R. Jakobson, 1956, стр. 190, 194 (ср. тип *statua Myronis*, допускающий тройное семантическое понимание).

¹⁰ Зависимость качества синтаксического отношения от морфологической природы господствующего члена (т. е. к какой части речи господ. член относится), или же от „позиции члена в структурной позиции предложения“, применительно к (несобственным) атрибутивным отношениям, хорошо показана Т. П. Ломтевым, *Основы синтаксиса современного русского языка*, стр. 99—103.

СИНТАКТИКÉ VZTAHY A VĚTNÉ ČLENY

Stať nechce řešit problematiku syntaktických vztahů a větných členů vyčerpávajícím způsobem a v celém rozsahu. Dotýká se pouze některých otázek, snaží se zjistit hierarchii syntaktických vztahů, podat jejich charakteristiku a ukázat, jaký je poměr syntaktických vztahů a větných členů.

Nejobecnější kategorie vztahů v rámci syntaktické podřadnosti jsou na jedné straně predikace, na druhé straně determinace a predikační determinace. Nejsložitější jsou vztahy determinace. Závislost na nadřazeném členu (na nadřazených členech) projevuje podřazený člen buď tvarovou žádaností nebo jejím nedostatkem. Tvarová žádanost má dvě varianty, shodu a řízenost, obě varianty se mohou sdužovat nebo mezi nimi může docházet k oscilaci. Je zcela nesprávné omezo-ovat řízenost pouze na oblast vztahů objektových.

Kategorie větných členů je nutno stanovit s přihlédnutím ke všem faktorům, důležitým pro kvalitu vztahu. K těmto faktorům patří zejména také formální stránka slov, která do vztahu vstupují. V současné ruštině autor uznává za samostatný člen tzv. subjektové (podmětové)

určení. Je to závislý větný člen, který označuje subjekt děje nebo stavu, a po stránce formální se nachází v oblasti tvarové žádanosti.

Syntaktické vztahy mohou být někdy složitější. Dochází k funkční transpozici nebo k neutralizaci dvou vztahů. S funkční transpozicí se setkáváme v případě přívlastku a jmenného přísudku; je proto nutno rozlišovat vlastní a nevlastní přívlastek a jmenný přísudek. Neutralizace dvou vztahů je příznačná zvláště pro subjektové určení. Je účelné zachytit tyto složitější nebo přechodné případy ve vyhovujících termínech.

DIE SYNTAKTISCHEN BEZIEHUNGEN UND DIE SATZGLIEDER

Im vorliegenden Aufsatz will die Problematik der syntaktischen Beziehungen und Satzglieder nicht im vollen Umfang und erschöpfend gelöst werden. Der Verfasser untersucht nur einige Fragen, namentlich die Hierarchie der syntaktischen Beziehungen, ihre Charakteristik und ihr Verhältniss zu den Satzgliedern.

Die allgemeinsten Kategorien der Beziehungen im Rahmen der syntaktischen Unterordnung sind einerseits Prädikation, andererseits Determination und prädikative Determination. Die determinativischen Beziehungen sind mannigfaltig. Seine Abhängigkeit vom dominierenden Satzglied (von dominierenden Satzgliedern) äussert das untergeordnete Satzglied entweder durch formale Gegebenheit (Vorgeschriebenheit) oder durch deren Mangel. Die formale Gegebenheit hat zwei Varianten, Kongruenz und Rektion, aber beide Varianten können sich vereinigen oder es kann zwischen ihnen auch eine Oscillation entstehen. Es ist grundsätzlich falsch, die Rektion nur mit dem Bereich der Objektbeziehungen zu begrenzen.

Die Kategorien der Satzglieder müssen mit Rücksichtnahme aller Faktoren, die für die Qualität der Beziehung massgebend sind, festgestellt werden. Zu diesen Faktoren gehört vor allem auch die formale Seite der in die Beziehung eintretenden Worte. Im gegenwärtigen Russischen erkennt der Verfasser als ein selbstständiges Satzglied den sogenannten Subjekt-determinanten an. Es ist dies ein abhängiges Satzglied, welches das Subjekt der Handlung oder des Zustandes bezeichnet und welches in formaler Hinsicht sich im Gebiete der formalen Gegebenheit (Vorgeschriebenheit) befindet, z. B. куда мне идти?, его там нет.

Syntaktische Beziehungen können sich zuweilen auch komplizierter gestalten. Es erscheint eine funktionelle Transposition oder eine Neutralisation zweier Beziehungen. Die funktionelle Transposition treffen wir im Falle des Attributs und des Nominalprädikats an; es ist darum notwendig, das eigentliche und uneigentliche Attribut und Nominalprädikat zu unterscheiden. Die Neutralisation zweier Beziehungen ist besonders für den Subjekt-determinanten typisch. Es ist zweckmässig, solche synkretische Fälle (als auch Übergangsfälle) in entsprechenden Terminen zu fassen.